

ПУБЛИКАЦИИ

ПЕРЕОТКРЫТИЕ АНТИКОВЕДЕНИЯ

Э. Р. Доддс

Перевод с английского Е. В. Афонасина и А. С. Кузнецовой

На днях я слышал разговор двух пожилых «донов» (*dons*). Они рассуждали о том, сколько еще протянет их профессия. «В России, – говорил один из них, – гуманитарные науки вымрут через двадцать лет, в Германии – через пятьдесят, на этих островах и в Америке, благодаря Оксфорду, несколько отдельных ученых антиковедов может быть доживут до конца столетия. Последним человеком в этом мире, знающим греческий, будет стипендиат фонда Родеса из Техаса¹; когда он умрет, эта культурная традиция будет утрачена навеки». Другой участник разговора, вздохнув, не согласился с высказыванием об Оксфорде. Оксфорд, по его замечанию, зависит от школ, а школы только и ждут грядущей отмены обязательного знания греческого при поступлении, мечтая удалить этот предмет из своих учебных планов и направить сохраненные деньги на создание новых научных лабораторий. Даже в Харроу, самой консервативной школе Англии, только сорок мальчиков из шести сотен, или шесть человек каждый год, изучали греческий; из большинства меньших школ этот курс почти исчез. Университеты должны следовать за школами, а не наоборот. Еще поколение, и мы неизбежно увидим конец всякого серьезного изучения латинского языка; ибо что есть латинский без греческого, как не тело без души, форма без цвета, еда без питья, полдень без утра? Приближаются вторые сумерки богов.

Два почтенных призрака, они слишком глубоко погрузились в эти сумерки, чтобы подумать о возможности вернуться. Несомненно, они сплотятся под знаменем борьбы за обязательное изучение греческого и погибнут в последнем окопе как истинные ученые и джентльмены, так что подающий надежды ботаник под страхом наказания все еще сможет ознакомиться с некоторыми формами весьма нерегулярного множественного числа и заучить наизусть небольшие цитаты из «Анабасиса» Ксенофонта. И все же, я чувствовал, что от них нет никакой пользы. И даже в высшей степени страстной защитой нерегулярных форм множественного числа не удастся вернуть дыхание жизни застывшему, однако все еще любимому трупу античного мира. Так или

---

¹ Вероятно, он хотел, чтобы мы вспомнили о мистере Аблимехе В. Увере (*Ablimech V. Oover*) из Тринити колледжа, занудном стипендиате фонда Родеса, которого Макс Бирбом (*Max Beerbohm*) выставил посмешищем в *Zuleika Dobson* ch. VIII.

иначе, мы наконец доплыли до века реализма. Недолго же нас питала мистическая вера наших предшественников, для которых воспитательная ценность изучения древних языков измерялась прямо пропорционально их сложности и обратно пропорционально их практической полезности². Мы посмели подвергнуть сомнению высшую ценность интеллектуального гимнастического упражнения ради самого упражнения³: так, стало обычным делом сомневаться в необходимости требовать составления многих тысяч элегантно сплетенных фраз на древнем языке от мальчиков, которые и на своем родном не в силах слепить и парочки пошлых эпиграмм. Люди начинают задаваться вопросом, разве красоты английского прозаического стиля не удобнее изучить по мистеру Конраду, а не по Цицерону; разве карьера Бисмарка не столь же важна для мира, в котором мы живем, как и жизнь Фемистокла; разве экономика современного индустриального общества не важнее для членов этого общества, нежели экономика греческого полиса?

Если мы в срочном порядке не разрешим эти сомнения и душевные поиски, то можно с уверенностью утверждать, что доктрина самодостаточности классического образования осуждена на смерть, если не мертва уже. Она была частью большого мошеннического заговора, в результате которого название «гуманитарный» бесосновательно было приписано только одной области человеческого познания, и из-за сплетен (347) необразованной публики, любое упоминание о греческом языке стало вызывать не меньший трепет, чем упоминание о иврите. Этот заговор состоялся в эпоху Возрождения; однако в этом виновно не только Возрождение. Для человека XV века вновь обретенная Античность была не просто истинным, но и единственным проводником того духа⁴, который время от времени напоминает о том, что Истина и Красота – это не избитые слова, но вечно живые ценности. В то время бытие классического ученого ассоциировалось с революционными тенденциями, а отнюдь не с консервативными⁵. Но вдохновение Воз-

² Кларк (Clark 1855, 294) приводит классическую формулировку этой позиции, безапелляционно заявляя, что грамматика латинского языка соответствует стандарту «сухости и неприятности», что должно рассматриваться как «серьезная рекомендация» для ее изучения. Его точка зрения была высмеяна Сиджвиком (Sidgwick 1867, 314–15).

³ См. Сиджвик (Sidgwick 1867, 295), где он резко критикует преподавание латинского и греческого «как чего-то вроде духовного упражнения... без отсылки к неизменной полезности передаваемого знания».

⁴ «Проводник духа» – это метафора, позаимствованная у неоплатоников. Доддс обсуждал эту важную доктрину во втором дополнении к своему изданию «Начал теологии» Прокла.

⁵ См. Мюррей (Murrey 1889, 4–5), где он заявляет, что классическая литература сделала ученых эпохи Возрождения «противниками того социального порядка, в котором они жили». Похожая идеализация классической образо-

рождения постигла судьба любого другого вдохновения: оно было институционализировано. Верное ученичество, начавшееся с заботы о букве ради духа, закончилось отказом от духа ради буквы; и неуловимый ветерок духа, веющего там, где он желал, нашел себе другого проводника. После одного или двух веков мы констатируем потерю. Заметив ее, мы должны либо переоткрыть Античность, либо смириться с существующим положением дел.

Примечательно, что самыми сложными книгами для переосмысления являются те, с которыми мы прожили всю нашу жизнь – Библия, например. В этих случаях учитывая вежливость, заливалась трелью о влиянии нового опыта, неизменно притупляется обычаем, а тонкости эстетического вкуса покрываются толстым слоем унаследованных сантиментов и вторичных суждений. Оды Горация и Псалмы Давида ставят перед нашей критической оценкой ту же преграду, что и Гамлет – они переполнены «цитатами». Если мы хотим освободиться от тирании указаний, – и не только от лицемерной уступки «классикам» в соответствии с формулировками других людей, но и от слепого презрения к ним из стремления утвердить иллюзорную независимость, – и если мы желаем взглянуть на наше литературное наследие и увидеть его как целое, то мы должны упростить наш взгляд пока он не станет столь же интенсивным и наивным, как взгляд ребенка или ранних исследований, или ученого эпохи Возрождения. Такого видения можно достичь лишь посредством сознательного усилия в интеллектуальной честности⁶. Изучение греческого и латыни в настоящее время страдает от нашего нежелания сделать такое усилие. Несколько поколений спустя после эпохи Возрождения уже немногие из тех, кто был хорошо знаком с античными литературными произведениями, рассматривали их именно как литературу. Еще меньше людей пытались хоть как-то наладить живые отношения этой литературы с силами, доминирующими в настоящем, и вновь утвердить ее ценности в форме, понятной для нашего скептически настроенного мира⁷. Для большинства же «литературная» образованность стала олицетворением бесславия (*contumely*). Такой отрыв от реальности (*unrealism*), характерный для Англии, Америки и, прежде всего, Германии XIX века, дошел до того, что ученый, будучи разведенным по причине взаимного презрения с литератором

ванности эпохи Возрождения отмечается также в главе из *The Cambridge Modern History Vol. I* (Cambridge 1902), 532–84, написанной сэром Ричардом Джеббом (Sir Richard Jebb).

⁶ Сравним высказывание Мюррея (Murray 1909, 19): «Мы не поймем великую поэму до тех пор, пока не прочувствуем ее от начала до конца и, по возможности, не воскресим в памяти те эмоции, которые она изначально несла в себе».

⁷ См. высказывание Сиджвика (Sidgwick 1867, 291) о студентах, нуждающихся в «чем-то... имеющем видимые связи с окружающей их действительностью».

(the men of letters), который на самом деле и является его истинным alter ego, в некотором смысле перестал быть гуманистом и превратился в безграмотного (illiterate) решателя совершенно неважных лингвистических головоломок. Типичный ученый того времени, бросив в качестве оправдания работы всей своей жизни пару небрежных наблюдений по поводу «аттической изящности» Софокла или «привлекательной меланхолии» Вергилия, неизбежно со старческим удовольствием продолжал калечить уже двадцать раз искалеченный труп нескольких поэтических образов, возведенных в звание «трудного вопроса» неумелым переписчиком.

К счастью появились недвусмысленные признаки того, что ученые наших дней начинают меньше заботиться о «трудных вопросах» и больше – о литературе и жизни. Мы начали осуществлять переводы, которые являются не только удобочитаемыми подстрочниками, но и попытками переноса художественных произведений из одного языка в другой близкими по силе выразительными средствами. Таковы, например, «Еврипид» профессора Мюррея (Murray), «Проперций» профессора Филлимора (Phillimore), и «Плотин» господина Стефана Маккены (Stephen MacKenna)⁸. В тоже время основы античной жизни становятся все яснее благодаря таким относительно молодым наукам, как археология, антропология, сравнительное религиоведение и социология. Но для того, чтобы антиковедение смогло сохраниться, должна произойти радикальная реформа в отношении программы изучения этого предмета в наших школах и университетах, направленная на сближение изучения Античности с живой мыслью и жизненными интересами. Наиболее существенные изменения можно свести (кратко и поэтому без объяснений) к трем направлениям.

1. Преподавание латинской и греческой грамматики и композиции должно быть сведено к необходимому минимуму, достаточному для разумного понимания литературного произведения. Экономленные таким способом время и энергия должны быть частично посвящены изучению английского или других современных языков, частично же – одной (или нескольким) из вышеперечисленных новых наук⁹.

2. Классическая литература должна изучаться в школе скорее как целое, а не детально¹⁰. Безнадёжно утомительные авторы, такие как Цезарь, Ксенофонт, большинство работ Ливия, равно как и Цицерон с

⁸ См. библиографию. Еще студентом Доддс учился переводу у Мюррея (Dodds 1977, 29) и позже ввел похожий курс, когда вернулся в Оксфорд в 1936 г.

⁹ Сиджвик (Sidgwick 1867, 317) приводит доводы в пользу того, чтобы больше часов отводилось на преподавание английского, французского и «естественных наук», а не новых социальных наук, за которые так ратует Доддс.

¹⁰ Доддс приобрел опыт такого преподавания в Кампбелл колледже Белфаста. См. Dodds 1977, 17.

Демосфеном с их политическими речами, должны быть изгнаны из школьных учебных программ. Основной рацион учеников должен включать следующее: из римской литературы – Цицерона *pro Archia*, *pro Caelio*, *pro Cluentio*, Катутла, Апулея, сочинителей писем, Тацита, Вергилия и Лукреция; из греческой литературы – Лукиана, Геродота, Гомера, Еврипида, Аристофана, мифы из работ Платона и *Антологию*.

3. Каждый, кто ко времени поступления в университет будет в силах читать без чрезмерных интеллектуальных мук достаточно сложные части греческих и латинских произведений, должен получить возможность применить имеющиеся у него знания в области литературы, политики, философии или какой-либо другой науки. Например, для тех, кто интересуется драмой, подготовка к выпускному экзамену должна включать в себя сравнительное изучение аттической драматургии, Шекспира, классического французского театра, Гете, Ибсена, и современных авторов вплоть до Чехова и Гордона Крейга. И лишь посредством создания такой системы связей между старым и новым можно надеяться оживить наше понимание древнего мира и переоткрыть Античность.

Список литературы

- Оригинальная публикация: “The Rediscovery of the Classics”, *Irish Statesman II*: 42 (10 April 1920) 346–47; перепечатано с комментариями: R. B. Todd “E. R. Dodds: The Dublin Years (1916–1919. With a reprint of two early articles by Dodds: *The Rediscovery of the Classics* and *The Renaissance of Occultism*”, *Classics Ireland* 6 (1999) 80–105, esp. 92–98
- Clark W. G. (1955) “General Education and Classical Studies”, *Cambridge Essays* 1855 (London) 282–308
- Dodds E. R. (1977) *Missing Persons: An Autobiography* (Oxford)
- MacKenna S. (1917) *Plotinus: The Ethical Treatises* (London)
- Murray G. (1889) *The Place of Greek in Education: an inaugural lecture* (Glasgow)
- Murray G. (1909) *The Interpretation of Greek Literature: an inaugural lecture* (Oxford)
- Sidgwick H. (1867) “The Theory of Classical Education”, in F. W. Farrar, ed. *Essays on a Liberal Education* (London); repr. Sidgwick H. *Miscellaneous Essays and Addresses* (London 1905; repr. New York 1968) 270–319